

ТАТЬЯНА МИХАЛЬ

Змея
НАС

ОН - АНТИГЕРОЙ,
НО РАДИ НЕЁ ГОТОВ СТАТЬ ЛУЧШЕ...

ИЛИ НЕТ?

Татяна Михаль

Измени нас

«Татяна Михаль»

2023

Михаль Т.

Измени нас / Т. Михаль — «Татьяна Михаль», 2023

Надя – скромная девушка, отличница в университете. Она тайно влюблена в звезду универа, Алекса. Для девушки он недостижимый идеал. Майкл – настоящий антигерой, он вырос в жестоком мире, без права на выбор лучшей судьбы и ему грозит отчисление. Сама судьба сталкивает этих двоих, и они заключают сделку... Они вывернут друг другу душу, изменятся, и мир для них уже не будет прежним. В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Михаль

Измени нас

Глава 1

* * *

НАДЯ

На губах моих улыбка и крылья за спиной. Яркое солнце и чистое небо радуются вместе со мной, лёгкий ветер игриво путается в моих волосах.

Моя работа лучшая на потоке. Как впрочем, и всегда. Но не данный факт меня осчастливил.

Алекс... Алексей Горячев. Парень с четвёртого курса – высокий, мускулистый блондин с голубыми глазами, очаровательной ямочкой на щеке и колдовским голосом, от которого, когда слышу его, у меня подгибаются ноги, сердце начинает биться как пойманная птичка. Он – звезда университета. Отличник. Из благополучной и очень хорошей семьи. Солист в собственной рок-группе и он – моя мечта.

И мечта других девчонок.

Сегодня в деканате я и куратор обсуждали мою курсовую работу, и вдруг вошёл он, улыбнулся и подмигнул мне. В тот миг я забыла все слова.

Потом он общался с деканом. Я не помню, о чём они говорили, зато помню его голос. Такой голос может принадлежать океану – глубокий, волнующий... Ммм... Он не знает, что вот уже три года я влюблена в него. Тайно.

И у него есть девушка.

Но этот факт не мешает мне продолжать любить его хоть и на расстоянии.

С гордой улыбкой я направляюсь к парковке.

Честно, мне хочется петь и кружиться.

Сейчас заброшу на заднее сиденье тяжёлый рюкзак, пиджак, в котором стало жарко, сяду за руль и включу самую задорную и беззаботную песню, которой в голос буду подпевать.

Поеду в любимое кафе, чтобы продолжить наслаждаться этим волшебным днём – днём, когда Алекс мне улыбнулся и подмигнул.

Он заметил меня! Заметил! Да-а-а!

Три года учёбы в универе прожиты не зря.

Но на парковке меня поджидает «сюрприз».

Моя машина окружена девушками с моего потока. Их семеро. И всех я знаю.

Мы не ладим. От слова совсем.

Две девицы нагло сидят на капоте моей машины, болтают ногами и стучат каблуками по решётке радиатора. Другие стоят рядом, курят и смеются в голос.

Увидев меня, смех обрывается. Они окидывают меня насмешливыми и презрительными взглядами.

Хмуро осмотрев их, я строгим тоном говорю:

– Прочь с моей машины!

Анжелика Романовская, что сидит на моей тачке со своей подругой Жанной Эйле кривит свои «надутые» губы и капризно произносит:

– А вот и наша выскочка-зубрилочка. Долго тебя ждать пришлось... Что? Отсасывала декану? Или сразу ректору?

Я густо краснею. Их оскорбления ранят. Обидно слышать подобную грязь. И бессмысленно что-то отвечать. Они специально глумятся, задевают и провоцируют меня.

Они все смеются. Им нравятся их плоские и пошлые шутки. Не знаю, почему они находят их забавными и почему позволяют себе марать свои рты подобной грязью, ведь девушки все красивые, почти все из богатых семей.

Но подобное происходит не в первый раз.

– Очевидно, это ваш любимый приём, чтобы хоть удовлетворительно получить, но точно не мой. Предпочитаю пользоваться мозгами, а не ртом, – отвечаю резко.

Лица Романовская тут же затыкается и прожигает меня ненавистным взглядом.

– Заучка решила зубки показать? – шипит она, некрасиво подняв верхнюю губу. Так она становится похожей на крыску.

Лица ловко спрыгивает с капота моей машины и, виляя узкими бёдрами, направляется ко мне. Её подруга следует за ней.

Я делаю шаг назад и понимаю, в этот раз перегнула палку. Обычно им не отвечаю, но не сегодня... Сегодня у меня был такой прекрасный день, а эти сучки его осквернили, испортили.

Решаю в таком случае спастись бегством. Снимаю машину с сигнализации и по дуге бегу к двери, но другие девушки тут же перекрывают мне путь, толкают в грудь, и я спотыкаюсь, едва не падаю.

Внезапный страх накрывает меня. По спине скользит неприятный холодок. Сильно сжимаю ключи от машины и нервно слглатываю.

Потом бросаю полный надежды взгляд на видеокamеры, которые здесь повсюду. Слышу насмешливый голос Романовской:

– Сегодня ЧП, камеры «поломались».

Перевожу взгляд на будку с охраной, шлагбаум поднят... И снова её противный голос:

– И охраны нет на месте...

Она начинает смеяться, наблюдая отчаяние на моём лице, остальные подхватывают.

Как нет охраны? Как посмели оставить пост?

И как назло, ни преподавателей, ни других студентов рядом.

Да и кто тут будет? Суббота всё-таки. Почти пять вечера.

Анжелика подходит ко мне очень близко, нависает надо мной, прекращает смеяться. Стоит на своих высоченных шпильках, постукивает носком модных туфель, руки на груди сложила и рассматривает меня с безразличностью, будто я таракан.

– Знаешь, Огнева, ты всех задолбала, – шипит она мне в лицо. – Жизни нам не даёшь. Хватит строить из себя самую умную. Сиди тихой мышью на всех семинарах и не высказывай, уяснила?

– Какой-то бред... – говорю тихо. – Если у вас нет мозгов – это не мои пробле...

Резкая и хлесткая пощёчина прилетает мне от Романовской точно по лицу.

Скула тут же немеет. Очень больно и от неожиданности я ахаю и теряю равновесие, ударяюсь спиной о соседнюю машину.

В ушах звенит, но даже через звон слышу их хохот.

Кто-то из девушек включает камеру на телефоне и начинает делать фотки.

Только не это.

– Давай, Лица, покажи этой заучке её место! – весело кричат её подпевалы. – Прогни её!

Я отталкиваю тех, кто стоит ко мне ближе всего и пытаюсь пробиться к своей машине, чтобы попасть внутрь. Едва сдерживаю слёзы.

Но меня снова отталкивают и теперь хватают за волосы.

– Куда это ты, шлюшка, собралась? Мы ещё не обсудили твоё сраное поведение, – с яростной злостью заявляет моя сокурница Аня Нилова.

Я её всегда считала адекватной и никогда ранее не видела в этой компании.

– Пусти! – шиплю сквозь слёзы и пытаюсь отодрать от своих волос её пальцы. С силой царапаю её по руке, и Нилова одёргивает руку, громко ругаясь матом. В её руке остаётся клочок моих светлых волос.

Мне так больно и обидно, что не могу сдержать предательские слёзы. Толкаю со всей силы Романовскую и она летит своей худосочной задницей прямо на асфальт.

Тут налетает на меня Жанна и бьёт по лицу – у неё рука тяжелее. Другая скула взрывается дикой болью. И не успеваю опомниться, как кто-то снова бьёт меня по лицу.

Моё лицо горит от боли, стыда, обиды и гнева. Мне хочется схватить их всех разом за космы и хорошенько отметелить.

Ужасное желание, которое ранее у меня никогда не возникало. Я ведь миролюбивый человек.

Я не знаю, чем бы всё закончилось, но вдруг на парковку заезжает джип, сначала едет медленно, а потом водитель даёт по газам и буквально чуть не налетает на всех нас.

Девчонки со звонким криком разбегаются врассыпную. Я едва держусь на ногах, закрываю лицо руками.

Из джипа выходит молодой мужчина, его взгляд чёрных глаз полон такого гнева, что кажется, он сейчас всех тут порвёт.

– Семеро на одну? Совсем рехнулись? – рявкает он. – А ну, пшли отсюда, мразёвки!

Парень говорит с лёгким акцентом. Романовская и Ко фыркают и с самодовольным видом топают к своим авто.

– Мы не договорили, – задевая меня плечом, бросает мне Анжелика.

На подгибающихся ногах топаю к машине, трясущимися руками берусь за ручку автомобиля и вдруг замечаю, что на белой двери царапина.

Утираю набегающие на глаза слёзы.

Снимаю рюкзак и бросаю его на соседнее с водителем кресло. Потом пиджак и обнаруживаю, что мне порвали в плече рукав.

У меня трясутся губы. Хочется в голос разреветься. Этот пиджак мне дарила мама. Это был её последний подарок... А потом её не стало и эти гадины его испортили.

Сажусь за руль, дышу рвано и со всхлипами, собираюсь закрыть двери, как вдруг кто-то удерживает её.

Поднимаю взгляд, полный страха и вижу обеспокоенное лицо моего спасителя.

Это Майкл Неро. Он – итальянец. Он перевёлся в наш университет в этом году. И как только он начал здесь учиться, сразу дал понять, что он – плохой парень.

Ничего хорошего о нём не слышно. Излишне агрессивен, драчлив, и учится плохо. Своим поведением и учёбой он портит статистику универу. Не удивлюсь, если его отчислят.

Но каким плохим бы он не был (по слухам), он меня сегодня спас.

– Далеко собралась? – интересуется он.

Пожимаю плечами и произношу очень и очень тихо:

– Домой.

– В таком разобранном состоянии? Поверь, тебе, вряд ли понравится попасть ещё и в аварию, – говорит он с лёгкой усмешкой, но взгляд серьёзен. – Или тебя настолько опустили, что ты готова самоубиться?

Я тут же вспыхиваю и гнев берёт верх. Сжимаю до скрипа руль и резко отвечаю:

– Никто меня не опускал, ясно?!

Он кивает, выпрямляется и говорит:

– Подожди меня десять минут, мне надо в учебную часть зайти, потом увезу тебя. Договорились?

Я немного думаю и понимаю, что он прав. Меня колотит и бьёт сильная дрожь от пережитого страха, адреналина и согласно киваю.

– Ладно, – соглашаюсь с ним. – Я подожду.

Когда парень скрывается за поворотом, роняю голову на руль и даю волю слезам.

Как бы я хотела сейчас позвонить маме, пожаловаться, потом приехать к ней и очутиться в родных объятиях.

Но её нет. Уже два года как нет...

А отец... Отец быстро нашёл замену и уже воспитывает шестимесячного сына.

Мачеха умудрилась запудрить отцу мозги и ловко настроила его против меня. Теперь я в семье отца нежеланный гость. И по факту, я совершенно одна.

Правда, есть подруга Ира, но она сейчас по обмену учится в Китае. И мы ещё не скоро увидимся. Зато я могу ей позвонить и пожаловаться. Она не рохля, как я, а бойкая, смелая, даже пробивная.

Глава 2

* * *

МАЙКЛ

Срочный вызов в универ ничего хорошего не обещал.

Женская драка на парковке лишь усилила моё дурное предчувствие. Почему я всегда оказываюсь в тех местах и в то время, когда происходит какое-то дерьмо? Драки, потасовки, перестрелки и поножовщина – мои вечные спутники.

Прогнав глупых студенток с парковки, с дурасти решил проявить рыцарское благородие. С чего вдруг? Девчонка «синий чулок» явно в моей заботе не нуждается. Но брошенные слова обратно не вернуть. Придётся отвезти её, раз сам предложил. Но сначала дело.

Внутри всё узлом завязывается. Проректор не вызвал бы меня в субботу просто так, да ещё со словами «Не по телефону...»

Универ непривычно тихий. Мои шаги эхом отражаются от стен со стендами, на которых висят расписания, имена и фотки преподавателей и гордости учебного заведения – лучшие студенты и студентки. У всех отличников, спортсменов и хрен знает кого ещё как под копирку счастливые и полные важности лица.

На миг останавливаюсь и всматриваюсь в одну фотографию, что выделяется из всех как сорняк среди роз.

На снимке та девчонка, которую я отбил от универских стерв.

«Огнева Надежда Дмитриевна», – читаю её имя.

Она здесь единственная среди остальных отличившихся, кто не выглядит счастливой, она без улыбки до коренных и взгляд у неё предельно серьёзный. Точно, настоящий «синий чулок».

Фыркаю и продолжаю путь. Поднимаюсь на нужный этаж и без стука вхожу в учебную часть.

– Мне назначено, – без приветствия и других почестей, заявляю секретарю.

Секретарша проректора отрывает усталый взгляд от компьютера и на моё хамство сильно кривит губы.

– Стоять, – требует она резко, когда я уже у двери проректора и добавляет: – Сначала доложу. Имя?

– Майкл Неро, – отвечаю с усмешкой и прячу руки в карманы джинс.

Она поднимает трубку и произносит:

– Геннадий Петрович, Неро прибыл.

Кивает, затем со стуком кладёт трубку и возвращает взгляд к компьютеру, бросает мне небрежно:

– Входите, Неро.

Толкаю дверь плечом, закрываю ногой и смотрю на проректора.

– Вызывали? – интересуюсь нарочито небрежным тоном.

Седеющий мужчина стоит спиной ко мне, руки сложены на груди. Он смотрит в окно и долго молчит, нервирует меня. Знает, что меня просто вымораживает подобное отношение. Но я стоически терплю и жду, когда «начальство» соизволит говорить.

Геннадий Петрович Зубовец медленно оборачивается, окидывает меня изучающим взглядом и кивает на кресло возле своего стола.

Прохожу и сажусь, закидываю ногу на ногу.

Проректор сначала запирает двери кабинета на ключ, потом возвращается и опускается в своё кожаное кресло, берёт со стола сложенный вдвое лист бумаги и протягивает его мне со словами:

– Ознакомься.

Разворачиваю и бегло читаю.

Потом поднимаю на мужчину злой взгляд и буквально рычу:

– Какого хрена?

– Не выражайся! – тут же одёргивает меня проректор. – Ты сам виноват. Я предупреждал, что твои бесконечные прогулы, постоянные стычки с преподавателями и студентами до добра не доведут. Нет желания учиться – на выход.

Сжимаю в кулаке грёбаное уведомление об отчислении.

Стиснув зубы, я смотрю на проректора и вижу лишь его равнодушие.

Грёбанный хер прекрасно знает, почему я веду себя как говнюк, почему я забил на учёбу. Он обещал, что закроет на всё глаза. Обещал, что отчислит меня на пятом курсе, но не сейчас! Слишком рано!

Вскакиваю так резко, что кресло опрокидывается. Швыряю скомканное уведомление в рожу проректора, тот тоже вскакивает и рычит:

– Вон, пошёл, щенок!

– Ты обещал, сукин ты сын, – шиплю на него, ставлю руки на его стол, склоняюсь к его холёной и лоснящейся морде и добавляю тихо, но очень и очень зло: – Я твоего сыночка из банды наркош вытащил, *faccia di merda!* Ты обещал, клялся мне, что поможешь. Слово дал!

Проректор раздувает от ярости ноздри, и всё его холёное самообладание летит в задницу его шлюхи секретарши, он пальцем тыкает меня в грудь и произносит ледяным тоном:

– Всё так и было, Майкл, но вмешался твой отчим. Так что, финита ля комедия. Я всегда буду благодарен тебе за сына, но сейчас... Сейчас всё иначе. Он выставил условие: либо ты отчислен, либо берёшься за ум и становишься гордостью университета.

Мои глаза застилает красная пелена.

Я толкаю проректора руками в грудь. Мужчина изумлённо смотрит на меня, и неуклюже валится в своё кресло. Оно откатывается и ударяется о подоконник. Мужчина тут же вскакивает на ноги. Я вижу, как он сжимает кулаки, и улыбаюсь со словами:

– Мой ублюдок отчим хорошо отымел вас, господин проректор, верно?

Он багровеет, а я с нетерпением жду, что он обрушит на меня поток ругательств или хорошенько вмажет. Хотя второе вряд ли. Не здесь.

Вдруг, он разжимает кулаки, опускается в кресло и спокойно произносит:

– Сейчас я прошу тебе твою грубость, Неро, но только сейчас. И при всём уважении к тебе и твоей помощи, но я вынужден следовать правилам университета...

Запрокидываю голову и издевательски смеюсь. Отсмеявшись, говорю:

– Впаривайте, господин проректор, эту чушь своим отличникам. Плевать! Отчислен, значит, отчислен! Так даже лучше. Отчим ни меня, ни моих денег никогда не получит.

– Я думаю, ты изменишь своё решение, – вздыхает он, потом прикрывает глаза и трёт переносицу.

Он всегда так делает, когда сильно нервничает. К слову, это бывает крайне редко.

– В чём дело? – хмурюсь и злюсь сильнее. – Выкладывай! Ну?

– Он нашёл твою сестру, Майкл, – говорит он то, чего я все эти годы так сильно боялся. Годы, которые вынужден был проживать, прожигать, как последний мудака.

Наблюдая шок на моём лице, он сильно хмурится и произносит:

– Микаэла у него уже месяц. Ты... не знал?

¹ *Faccia di merda*, ит. (*Фача ди мерда*) – Урод сраный.

Я поднимаю с пола кресло и как сломленный падаю в него, смотрю мимо проректора.

– Как он узнал, где она? – произношу едва слышно.

Зубовец теребит галстук и с нервными нотками в голосе отвечает:

– Мне кажется, Майкл, от мафии невозможно, что-либо или кого-либо надолго спрятать.

Это было дело времени и только.

– К херам мафию! Мой отчим – шавка, шестёрка, как говорят здесь, но никакой он не мафиози! Мой отец был мафиози, а этот ушлёпок – нет! Ему важно наследство. И не-е-ет, – качаю я головой, – Мику я спрятал в надёжное место. Она жила под другим именем... Кто-то прознал, сдал? Чёрт!

Прикрываю глаза и тру лицо. Сестрёнка моя младшая, я облажался. Обещал, что отчим не получит тебя и не сберёт. Обещал, что прошлая жизнь не доберётся до нас.

Покинул Италию, живу в России, малышку спрятал у маминой подруги в Ирландии. Но этот *pezzo di merda*² всё-таки нашёл Мику.

Потом ко мне приходит осознание. Поднимаю злющую морду на проректора и говорю со всем презрением:

– Так ты у нас, получается, парламентёр, верно? И какие условия выставил этот кусок дерьма?

Зубовец видит, как я заведён и решает не ходить вокруг да около, выкладывает всё, как есть.

– Ему нужно наследство, Майкл. Твой отчим не желает ждать, когда твоей сестре исполнится двадцать три.

Я киваю. По условиям завещания я получаю наследство, когда окончу университет. Любой универ.

Если я не выполню данное условие, то наследницей становится моя младшая сестра Микаэла Неро, но лишь тогда, когда ей исполнится двадцать три года. Ей сейчас восемнадцать.

Отчим женился на нашей прекрасной маме, когда я был ещё сопливым пацаном, он пробрался в нашу семью, как змей – истинное зло, всегда мечтал заполучить наше семейное дело, активы, деньги. Из-за отчима умерла наша прекрасная и любимая мама.

Он наивно полагал, что она полностью под его влиянием и включила его в завещание, точнее, сделала его единственным наследником, но он не знал, что наша мать никогда бы не предала своих детей.

Когда стало слишком поздно и от проклятого уroda ей было не избавиться, она нашла единственный способ защитить нас и наше наследие от *него* – условия завещания.

Она знала, что я смогу сделать так, чтобы он ничего не получил. Лишь Мика могла стать оружием в его руках. Ради неё я откажусь от чего угодно. И мудака об этом прекрасно знает. Потому я и спрятал сестрёнку. И думал, что нашёл для неё надёжное место.

Я бы давно вступил в наследство, давно бы окончил любой универ и со своими огромными ресурсами растоптал бы эту тварь, но есть грёбаное «НО».

Я сын своего отца. Если я вернусь в Италию, получу наследство, то обязан буду принять и всё наследие своего отца, включая не только легальный бизнес, но и всю ту тьму, из которой я сбежал. Мне придётся впустить в свою жизнь криминал. Потому что мафия своих детей не отпускает.

Но если вступит в наследство Мика, она избежит этой участи, она просто будет владелицей честного и чистого бизнеса, всей недвижимости, всех счетов... Мы с ней так и решили, и уже никто бы до нас не дотянулся, нужно просто дождаться, когда ей стукнет двадцать три.

² *Pezzo di merda*, ит. (*Пеццо ди мерда*) – Кусок дерьма.

Отчим – верный пёс молодого мафиозного клана, которым и нужны наши деньги. Грузо-перевозки по воде и воздуху – старинное и «чистое» дело семьи по линии мамы сейчас находятся под управлением доверенных лиц. Перевозка для мафии – золотое дно.

Ни мафия, ни отчим пока не могут запустить туда свои загребущие руки. Но смогут всё поднять, когда я вступлю в права, а после откажусь от наследства в пользу отчима. Вот его план, а Микаэла – инструмент. Но я знаю, что в таком случае, нас просто убьют свои же из клана моего отца. Потому что мы – Неро и мы не смеем предавать своих, а отдать в руки другого клана мощный бизнес – предательство.

Не желаю становиться наследником. Мне не нужно всё то дерьмо, которое я наблюдал в детстве. Мике тоже хочется спокойной жизни.

И вот теперь наш план летит в бездну.

Я расхаживаю по кабинету проректора взад-вперёд, словно запертый в клетку лев. Я просто в бешенстве. Злюсь на отчима; злюсь на Мику, что попалась; на проректора; на самого себя!

Но я беру себя в руки, хотя это очень тяжело. С удовольствием бы сейчас разгромил этот чистенький, модный кабинет.

– Передай Сарту, что я начинаю хорошо учиться, чтобы окончить четвёртый и пятый курс, и получить грёбаный диплом, – говорю стальным голосом.

Я постараюсь выиграть время. Что-нибудь придумаю. Пусть сначала Дио Сарту, проклятый отчим думает, что победил меня.

– Это правильное решение, Майкл.

– *Vaffanculo!*³ – выплёвывая я и рывком поворачиваю ключ в скважине и дёргаю дверь, что она едва не слетает с петель.

Выскакиваю наружу, несусь прочь из проклятого универа. Попадается мне тот самый стенд с отличниками, хватаю его, отрываю от стены и швыряю об стену. Со стены осыпается штукатурка. От повторного сильного удара пластиковый стенд разлетается на куски. Фотографии летят и приземляются на полу. Теперь это просто мусор.

И мне срать, что тут камеры!

Я буквально весь дрожу от ярости.

Выхожу на парковку и сажусь в свою тачку, завожу и трогаюсь, но тут же бью по тормозу.

– Блять! – рычу яростно.

Совсем забыл про «синий чулок».

Больше никому ничего не стану обещать и предлагать. Никогда. На хер мне надо? Благородство – не мой стиль.

Но сейчас нужно сделать то, что сам предложил.

* * *

Дорогие и любимые мои читатели! Рада всех вас видеть в новой истории, где вас поджидают эмоциональные качели, противостояние характеров, много страсти и секса! Будет жарко!

Готовы?

Тогда не стесняйтесь и добавляйте книгу в библиотеку и пишите свои отзывы, своё мнение!

Всех вас Лю!

³ *Vaffanculo*, ит. (*Вафанкуло*) – Иди в задницу. (Прим. Автора).

Глава 3

* * *

НАДЯ

Майкл возвращается нескоро. Я жду его долго, нервничаю.

Если честно, я уже подумывала взять и уехать, но пообещала парню, что буду ждать его.

Новая жена папы любит повторять, что я слишком ответственна и таких, как я, излишне мудрёных, зацикленных на обещаниях и ответственном подходе к любому делу на дух не выносят. Но её мнение для меня пустой звук.

Пока ждала его, уже успела успокоиться и взять себя в руки.

Когда вижу Майкла, то выхожу из машины, слабо улыбаюсь ему. У меня уже заготовлена благодарственная речь... Вдруг вижу, как он прямоком идёт не ко мне. Он рывком открывает двери своего авто и запрыгивает в свою тачку, заводит её, проезжает пару метров и... бьёт по тормозам.

Неужели он забыл обо мне?

Или решил посмеяться, поиздеваться?

Но нет, он паркует свой джип на место и выходит, направляется в мою сторону.

Выглядит при этом Неро настолько жутко и зло, что я начинаю сомневаться в правильности решения довериться ему и позволить сесть за руль своей машинки.

Он подходит ко мне, нависает надо мной, и я непроизвольно вжимаю голову в плечи. Забываю о своих благодарностях. Мне кажется, я и имя своё сейчас забыла. Смотрю на молодого мужчину широко распахнутыми глазами, все мои инстинкты кричат «Опасность!»

– Ключи, – требует он тяжёлым и низким голосом и протягивает ладонь.

До моего мозга сразу не доходит, что ему надо, настолько меня подавила его мужская, злая, очень агрессивная аура.

– Ну? Чего застыла? Ключи давай, – нетерпеливо повторяет он и пальцами щёлкает перед моим носом.

Я моргаю и делаю небольшой шаг назад. Мне бросается в глаза его большая кисть руки с широкой мозолистой ладонью. Пальцы у него длинные, красивые, сильные. Смотрю, как замороженная, потом облизываю пересохшие губы и едва слышно говорю:

– Так они в замке зажигания.

Он кивает, срывает с себя кожаную куртку, а под ней оказывается чёрная водолазка, которая как вторая кожа обтягивает его сильный торс, обрисовывает тугие жгуты его мышц на руках. Я чуть рот не раскрываю, настолько он сильный, накаченный, мощный. Не дожидаясь, когда я отомру, он сам отодвигает меня от водительской двери и командует:

– Детка, не тупи, садись уже.

Голос у Майкла злой, чуть вибрирующий, пугающий.

Сам он садится за руль, заводит мою машинку и кидает куртку на заднее сиденье.

Запоздало киваю и как сомнамбула иду и сажусь на место пассажира.

Называю ему адрес, где живу, и парень выруливает с парковки, да так быстро и резко, что я пугаюсь за свою «ласточку». Пристёгиваюсь ремнём и кошусь на него, но не заикаюсь о том, чтобы и он пристегнулся. Меня до чёртиков пугает его мрачное выражение лица и с силой сжатые руки на моём руле.

Майклу Неро совершенно не идёт моя машина. Он в ней выглядит несуразно, будто великана взяли, да запихали, затолкали в машинку-манюньку.

Я смотрю на него и не могу отвернуться, а он не отводит взгляда от дороги.

Мы едем молча и я не могу найти в себе храбрости, чтобы задать парню какой-нибудь вопрос. Любой вопрос, чтобы разрядить обстановку.

Музыка выключена, только звук двигателя и наше дыхание слышны в салоне авто. Он снова с силой сжимает руль, что-то на своём языке шипит себе под нос, и я невольно снова цепляюсь взглядом за его руки. Сильные и мощные с набитыми костяшками.

А ещё машина наполняется его запахом. Muskusом, пряной корицей, морем, немножечко кофе и табаком. А ещё опасностью пахнет от него и силой.

Это нереальный, какой-то сумеречный, очень тягучий и тёмный, словно гречишный мёд аромат. Грешный и терпкий. Он дурманит. И мне вдруг хочется запомнить этот запах.

Кожа у меня покрывается мурашками. А ещё странное ощущение вдруг обволакивает затылок, расплзается по телу... и в живот.

– Долго будешь меня разглядывать? Нервировать? – произносит он, когда тормозит на красном светофоре. Поворачивает ко мне лицо, и я невольно краснею.

Взгляд у Майкла усталый и тёмный. Пробирает.

– Прости... Я... – закрываю рот и не знаю, что ему сказать.

– Что, «ты»? – усмехается он. – Видишь перед собой неадекватата, так что ли?

Встряхиваю головой и тут же отвечаю:

– Что ты! Нет! Я просто хотела сказать тебе спасибо... Вот. Спасибо.

Он ржёт и качает головой, будто я рассказала ему до одури смешной анекдот.

Мне хочется побиться головой о бардачок. И где всё моё красноречие? Куда оно пропало? Что за беспомощное мяуканье слетает с моих губ?

Прочищаю горло и произношу уже более уверенно:

– В общем, я благодарна тебе. Ты и заступился за меня, прогнал девчонок и домой отво-
зишь. Не каждый в наше время на подобное рыцарство способен. Я в долгу у тебя... Майкл.
Верно?

– Угу, – кивает он. И выглядит теперь совсем не так весело, как мгновение назад. –
Рыцарь, значит?

Сжимает губы и произносит довольно грубо:

– Рыцарей не существует. Забей это себе в трубку и скури, поняла?

Обнимаю себя за плечи и закусываю нижнюю губу, вспоминаю сегодняшний визит
Алекса в деканат и как он мне улыбнулся, подмигнул. Майкл не прав, рыцари есть и они рядом.
Мой рыцарь так точно очень близок ко мне. И одновременно, он очень далёк.

– Чисто из любопытства, ты увела её парня? – вдруг спрашивает Майкл.

Я хмурюсь и не сразу догоняю, о чём он говорит.

Он вздыхает и разжёвывает:

– Драка из-за парня была? Обычно девчонки не устраивают махач по другим причинам.
Так что, ты увела у неё парня или просто трахнула его и отослала?

Меня передёргивает от его слов и предположения. Изнутри поднимается волна гнева.

– Что за мерзость? – шиплю я. – Ты меня совсем не знаешь и смеешь предполагать
подобную грязь? Да я бы никогда не стала встречаться с парнем, у которого отношения... Тем
более... заниматься... любовью с ним...

Снова краснею. И тут же вспоминаю Алекса... К чему кривить душой, я бы его отбила у
его девушки. Только я птица не того полёта. Он слишком хорош для меня.

– Охренеть, – выдаёт Майкл и иногда смотрит на меня в таком удивлении, будто у меня
лбу как минимум ещё пара глаз появилась. – Ты не только «синий чулок», но ещё и «девочка».
С какого ты века? Никто не говорит «заниматься любовью». Малышка, уже давно как все
только трахаются.

Моё лицо пылает.

Закрываю на миг глаза, потом смотрю на парня и строго выговариваю:

– Слушай, я сказала тебе «спасибо» за твою помощь. И сказала, что в долгу. Но я не просила тебя говорить со мной о случившемся. Давай, помолчим, ладно? А то нашёлся тут промыватель мозгов.

– Как скажешь, – говорит он, и до самого конца пути мы едем молча.

Между нами воздух буквально наэлектризован. Он зол, я тоже злюсь.

– Поверни вот тут направо, – прошу его, когда мы въезжаем на территорию моего квартала. – Вот тут ещё раз направо и вот здесь парковка... Моё место под номером семь.

Парень ловко и легко паркует мою машину, будто каждый день её здесь ставит, потом выключает её и передаёт мне ключи со словами:

– Просто знай, такие девки как сегодня тебя метелили, не бьются просто потому что ты им не нравишься. Всё дело в парне. Если ты никого не уводила, значит, ты кому-то нравишься. Кому-то, кто нравится одной из тех сучек.

И не дожидаясь моего ответа, он тут же выходит из машины и быстрым шагом направляется прочь с парковки. Пока я отстёгиваю ремень безопасности, пока выскакиваю наружу, Майкла Неро уже не видно.

А я хотела предложить ему чашку кофе в кафе, что рядом с моим домом. Но видно не судьба.

Про какого-то парня я и думать забываю. Всё это чушь. Кому я могу нравиться?

Открываю заднюю дверь, чтобы забрать свои вещи и обнаруживаю не только свой пиджак и рюкзак, но и кожаную куртку Майкла.

– Вот чёрт, – произношу сдавленно и вздыхаю.

Беру его куртку. Она тяжёлая, пахнет терпко, тягуче. Подношу к лицу куртку и втягиваю запах. Вот это да.

Перекидываю её через руку и решаю, что завтра же верну её владельцу.

Настроение у меня пасмурное, потому иду сразу домой, а не в кафе.

Когда вхожу в квартиру и бросаю на пол рюкзак, с моей руки соскальзывает и падает на пол куртка Майкла.

Поднимаю её, и вдруг из кармана выпадает смятый конверт.

Опускаюсь на корточки и беру в руки конверт, вижу символику нашего универа.

Мои пальцы чуть подрагивают, и я долго буравлю взглядом конверт. Нехорошо читать чужие письма, какие бы они ни были.

Но скажите это кому-то другому. Моё любопытство перевешивает и заглушает голос совести. Тем более что конверт уже был вскрыт.

Достаю сложенный лист А4, разворачиваю его и мои губы раскрываются и принимают форму буквы «О».

«Уведомление об отчислении», вот что это.

Теперь мне понятно, почему Неро так зол.

Вздыхаю и вдруг вздрагиваю, когда из его куртки раздаётся мелодия звонка. Музыка на его телефоне резкая, громкая и я дёрганными движениями кое-как отыскиваю чёртов телефон.

У Майкла он хоть и новенький, но уже с разбитым экраном.

Тот, кто звонит, не записан в его телефонную книжку. А вдруг это сам Неро?

Набираюсь храбрости и принимаю вызов.

– Алло? – произношу очень тихо.

– Это я, – говорит Майкл. – Куртку забыл...

Киваю и произношу:

– Да... Да... Я дома... Я сейчас выйду в кафе и вынесу...

Называю адрес и название кафешки. Заталкиваю уведомление об отчислении обратно в карман мужской куртки, а его телефон сжимаю в руке, мчусь на встречу и в голове только одна мысль бьётся «Его отчислили...»

* * *

Мчусь в кафе так быстро, как только могу. В итоге, распахнув двери заведения, дышу как паровоз.

Кофейня полна народа. Гул голосов, смех, приятная музыка и ароматы кофе, специй, выпечки смешиваются в некое чудо, которое я очень люблю. Люблю приходить сюда, пить РАФ и наблюдать за посетителями. Но сегодня всё не так. День после истории на парковке идёт не по привычному пути...

Майкл уже здесь, он ждёт меня за самым дальним столиком у окна.

Кстати, он нашёл моё любимое место. Никто не услышит тебя, не увидит, если специально не смотреть, зато весь зал кафе как на ладони, всех видно.

Сглатываю вязкую слюну и направляюсь к парню. Прижимаю к себе его куртку так сильно, будто у меня её попытаются украсть.

Парень смотрит в окно, но замечает меня, когда я ещё полпути до него не прошла.

Поднимается, отодвигает стул для меня.

А говорил, что рыцарей не существует.

Замечаю, что его взгляд снова хмур. Но когда наши взгляды встречаются, его глаза смягчаются, хмарь исчезает из них.

Его тёмные волосы взъерошены, его сильные пальцы крутят соломинку.

– Спасибо... – благодарю его за проявленную галантность и передаю ему куртку со словами: – Вот... возвращаю.

– Я заказал два классических капучино, – говорит Неро, забирает свою куртку, достаёт из кармана телефон и вешает её на спинку соседнего стула. – Надеюсь, ты не против капучино? Или что-то другое заказать?

Мне вдруг становится очень приятно от осознания, что кто-то просто взял, да заказал для меня кофе. Майкл Неро удивляет меня всё больше. Сначала спас от девчонок, довёз домой, а теперь угощает меня кофе, хотя это я должна его угощать, а не наоборот.

– Нет. Я люблю капучино. Не так сильно, как РАФ, но больше, чем эспрессо или... Кхм, впрочем, неважно, – тушуюсь в конце фразы. Я не понимаю, зачем начала развивать тему о кофе. Уверена, ему совершенно неинтересно, что я люблю, а что нет.

– Ты странная, – произносит Майкл с улыбкой.

Пожимаю плечами и с лёгкой обидой в голосе говорю:

– Ты тоже...

Нам приносят капучино, и когда парень делает глоток и отставляет чашку, я решаюсь спросить его...

– Майкл... я... в общем из твоей куртки конверт выпал, и я...

Он поднимает на меня мрачный взгляд, хмыкает и произносит на своём родном:

– Sei una ragazzina curiosa... (Ты любопытная девочка...)

Облизываю губы и виновато произношу:

– Я не люблю лезть в чужие дела, но...

– Так и не лезь, – говорит он резко.

Вскидываю на него упрямый взгляд и заявляю:

– Ты не похож на придурка.

Он фыркает, потом как-то зло смеётся и говорит:

– Даже не знаю, как воспринимать твои слова.

– Майкл, я хочу сказать, что ты не кажешься тупым. Я уверена, что ты умный, хваткий и с памятью у тебя всё отлично. Тебя явно решили отчислить не из-за дурного поведения.

– Откуда такая уверенность... Надя, так ведь?

Я киваю. Вот так да, он и имя моё уже узнать успел. Или знал. Приятно.

Он склоняется ко мне через столик и тягучим греховным голосом интересуется:

– Так у тебя такая уверенность, Надя, что меня отчисляют не за плохое поведение? Ты ведь не знаешь, *какой я*.

Какой?

Делаю глоток горячего напитка и отвечаю:

– Я часто нахожусь в деканате. Твою персону только ленивый преподаватель не обсуждает. Ты портишь им статистику своей неуспеваемостью. Были разговоры, чтобы тебя убедить пойти в университетскую сборную по футболу, чтобы...

– Ненавижу футбол, – кривится он и откидывается на спинку стула, поднимает руки и убирает их за голову.

Водолазка на его теле натягивается, сильнее обрисовывая мышцы, идеальные пропорции его тела...

Я моментально краснею, когда Майкл перехватывает мой жадный взгляд. Я почти минуту бесстыдно разглядывала его торс.

Парень размыкает руки и берёт капучино, делает один большой глоток и со стуком ставит чашку на блюдце.

– Я тебе так скажу, Надя... *chi semina vento raccoglie tempesta*...

– Не владею итальянским... Я не понимаю, что ты сказал.

Он переводит:

– Кто сеет ветер, тот пожнёт бурю. Это я о... руководстве универа.

Он поднимается и надевает куртку. Майкл сейчас уйдёт и всё. А мне вдруг отчаянно хочется ему помочь. Он мне помог, и я ему помогу. Тоже поднимаюсь и загораживаю ему проход.

– Стой. Подожди, – прошу его. – Сядь, пожалуйста...

Он поднимает одну бровь, но под моим практически умоляющим взглядом всё-таки возвращается на место. Складывает руки на груди и ждёт, что я скажу.

Тереблю в руках чашку с остывающим капучино и говорю:

– Понимаешь, я вроде как на хорошем счету в университете, правда, у нас с тобой разные курсы, ты на четвёртом, я на третьем, но всё равно моё слово будет иметь вес. Я так думаю. Я хочу... помочь тебе, Майкл. Тебя не должны отчислять...

Закусываю нижнюю губу и добавляю, глядя при этом не на парня, а перед собой:

– Я могу в понедельник пойти к проректору или сразу к ректору и попросить за тебя... чтобы тебе дали шанс. Если тебе сложно с какими-то предметами, то я могу помочь. Хоть я и на третьем курсе, но прекрасно владею программой и четвёртого...

Замолкаю и поднимаю на него нерешительный взгляд.

Он смотрит на меня в полном замешательстве, даже с недоверием и откровенным удивлением.

– Ты... серьёзно сейчас? – произносит он таким тоном, будто подозревает меня в каком-то преступлении.

Пожимаю плечами и честно говорю:

– Да. Только... я не гарантирую сто процентного результата. Но я постараюсь, Майкл... Что скажешь?

Он сощуривает свои чёрные глаза, подаётся ко мне и спрашивает:

– Детка, а ты уверена в своих силах? Уверена, что справишься со мной, а? Ты решаешь взвалить на свои хрупкие плечи ответственность за меня, это ведь серьёзно, Надя. Ты уверена, что этого хочешь?

– Ну-у-у... – тяну я задумчиво.

– Содержательный ответ, – хмыкает Неро. – Я всё понял. У людей всегда между словом и делом проложен океан.

– Нет, всё не так, – спешу его заверить в обратном, – я ответственный человек, Майк и если что-то говорю, то не для красивого словца. Я просто не знаю, как тебе объяснить доходчивее, чтобы ты понял – я действительно хочу тебе помочь. И я уверена в себе. Главное, чтобы мою уверенность поверил и ректор. Вот и всё. Так понятно?

Парень вздыхает, прячет руки под столом и молчит какое-то время, смотрит на меня, будто пытается найти что-то важное в моём лице.

– Знаешь, у себя в Италии я был отличником в школе, лучшим учеником класса. Тогда и сейчас я имею массу талантов и достоинств. После школы я без должного рвения отношусь к учёбе и на то есть причины. Мне легко даются новые знания.

– Тогда встречаемся в понедельник в универе? – спрашиваю его.

– И ты будешь возиться со мной? – усмехается он. – Если ты поручишься за меня, то и спрос с тебя будет. Ты это осознаёшь?

Ёрзаю на стуле и осторожно замечаю:

– Не думаю, что ты станешь подставлять меня...

Он склоняет голову набок и вдруг на его лице расплзается коварная улыбка.

– И что ты хочешь взамен? Чтобы я на время притворился твоим парнем?

Я даже встряхиваюсь, как растревоженный воробей и недовольно отвечаю:

– Какая глупость! Ничего мне не...

Тут же осекаюсь и снова вспоминаю сегодняшнюю встречу с Алексом.

– Так-так-так... – лукаво произносит Майкл. – Рассказывай...

Глава 4

* * *

НАДЯ

– Нечего рассказывать... – мямлю я и отвожу взгляд.

– Надя, – вздыхает Майкл, – говори как есть. Если боишься, что я посмеюсь или буду осуждать, то не волнуйся. Я умею быть тактичным. Когда это реально нужно.

Поднимаю на него взгляд и долго рассматриваю мужественное и серьёзное лицо парня. Он невозмутимо всматривается в моё лицо, следит за моими эмоциями. Я нервно облизываю губы и обвожу пальцем края чашки.

От осознания, что я вот прямо сейчас готова признаться практически первому встречному о своей маленькой тайне, заставляет моё сердце колотиться от страха. Ладонки тут же потеют и все слова из головы вылетают.

Кровь бьёт по вискам. Я слышу свой собственный пульс, он заглушает все окружающие звуки.

Я упрямая и одновременно робкая, наивная и при этом перфекционистка. Несочетаемые качества и они же делают меня сложной в общении, отношениях. Да, со мной сложно. Но... Но почему бы не попробовать?

Прочищаю горло и произношу очень тихо:

– В общем... мне кое-кто нравится... И я бы хотела... чтобы он обратил на меня внимание.

Шумно выдыхаю. Я сказала.

– У этого кое-кого имя есть? – интересуется Майкл. Я инстинктивно жду насмешки, но он предельно серьёзен и меня немного отпускает.

Тру шею и киваю.

– Он тоже на четвёртом и... в твоей группе, – произношу чуть увереннее, но всё же голос мой похож на писк перепуганного зверька. – Это... Это... А...

Нужно только имя сказать, но у меня словно язык узлом завязывается.

Неро сдвигает брови, потом его взгляд буквально впивается в мои глаза и он с некой безразличностью в голосе спрашивает:

– Надя, это Горячев?

– Да... – выдыхаю чуть надломлено. – Алекс Горячев.

– Охренеть, – выдыхает он с усмешкой.

Передёргиваю плечами и вся словно сжимаюсь. Мне становится вдруг неудобно и дискомфортно рядом с Майклом, мне хочется этот разговор отмотать назад и вообще сбежать из кафе.

Зря. Зря ему сказала. А Майкл некоторое время молчит, но смотрит на меня ещё более пристально, не сводит взгляда, кажется, будто не верит, что я набралась храбрости и положила глаз на звезду универа – Алекса Горячева.

Снова облизываю губы и произношу, глядя при этом на свою кружку с остывшим капучино:

– Я понимаю, что этот парень крут во всём и...

– Да он придурок! – обрывает меня Майкл. – И у него есть девушка.

Последние слова звучат с ехидцей.

– Ты ведь сама недавно говорила, что не станешь вешаться на парня, который уже в отношениях.

Поджимаю губы и тихо говорю:

– Всё. Проехали. Забудь, что я сказала... О помощи тебе не переживай. Я поговорю о тебе и с учёбой, если надо, обязательно помогу, а об Алексе забудь, пожалуйста...

– Надя, я разве сказал тебе «нет»? – пожимает он широкими плечами и вдруг накрывает мою руку своей большой ладонью, чуть сжимает мои пальцы и добавляет: – Горячев – бабник, каких поискать. Его девушка – фикция. Они просто тусят вместе, так сказать она его прикрытие, чтобы девчонки на него пачками не вешались. Но если честно, то он – тупица.

Я густо краснею.

– Ты слишком хороша для него, – говорит он серьёзно.

– Он – отличник, – произношу резко и вырываю свои пальцы из его руки. – У него своя рок-группа...

Майкл смеётся и трясёт головой.

– Переспорить девушку – себе дороже. Влюблённую девушку – смерти подобно. Ладно, Надя, я помогу тебе. Раз Горячев пленил твоё сердце, то будет твоим. Слово даю. Но с условием.

Ёрзаю на стуле и осторожно спрашиваю:

– С каким ещё условием?

Он откидывается на стуле, лукавым взглядом скользит по мне и с коварной улыбкой говорит:

– Будешь следовать всем моим советам. Всем, Надя, ясно?

Задумчиво барабаню по столешнице, взвешиваю все «за» и «против».

Мало ли какие советы он начнёт мне давать. Вдруг что-то противозаконное?

Но «за» всё же перевешивает. Я киваю и уверенно отвечаю:

– Хорошо. Я согласна, но с условием, что твои советы не будут ломать меня. И против закона я не пойду, ясно? Есть границы, которые я никогда не переступлю. Договорились?

Он выгибает бровь и склоняет голову набок, сверкает белозубой улыбкой и спрашивает:

– У тебя слишком много принципов и правил, так, Надя?

– Разве это плохо? – дёргаю одним плечом. – Зато у меня всё чётко и по плану. Так проще жить.

– Жизнь – это не план, Надя. Это постоянное падение. И весь секрет в том, что падать нужно уметь, иначе будет очень больно. Вот ты точно не умеешь падать.

Нервно фыркаю и тихо произношу:

– А ты типа научишь...

Он шире улыбается и говорит с весёлыми нотками в голосе:

– Да. Научу.

* * *

МАЙКЛ

Находиться в подвешенном состоянии – полный отстой. Всё, что я сейчас делаю – это занимаюсь такой невъебической хренью, что иной раз самому становится тошно. Прожигаю свою жизнь и молодость, чтобы защитить семью. Моя семья – это сестра, моя Микаэла.

Меня тревожит грёбаная ситуация, в которую Мика попала. И чтобы вытащить её из Ада, завуалированного под Рай, мне придётся некоторое время играть по правилам отчима.

Что ж, иногда нужно проиграть маленькую битву, чтобы выиграть большую войну.

Пусть мудака считает, что уже победил и поставил меня на колени. Пусть празднует и уже мысленно считает наши с Микой деньги. Пусть даёт клятвы своему боссу, что наш бизнес уже почти в его руках. Пусть.

Но когда придёт время, я встану с колен, и все мои враги полягут.

Мика, малышка, сердце моё, душа моя, ты только дождись меня. Я приеду. Приеду, когда проклятый Сарто убедится, что я «исправился» и наконец, «встал на путь истинный», то есть, принял его правила. Я приеду и заберу тебя. Спасу тебя, маленькая...

Сначала предложение этой милой, но такой наивной студенточки показалось мне смешным, я хотел было уже отказаться от её помощи, ведь по факту из универа меня никто выгнать не станет. Дио Сарто, недоносок псовый, позаботился об этом. Но потом я вспомнил её фото на стенде «Лучших».

Раз Надежда – гордость универа, то будет мне на руку, чтобы она взяла меня, такого плохого, испорченного и прожжённого студента под своё маленькое крылышко и поручилась за меня.

Проректор донесёт Сарто, что я «взялся за ум». Надя станет для меня прикрытием. Её безупречная репутация немного «обелит» мою мрачную, полностью запятнанную честь.

И раз я использую её, то будет правильно сделать и для неё что-то взамен.

Помочь влюбить в неё идиота Горячева? Проще простого. Этот болван ни единой юбки не пропустит.

Единственный нюанс, он предпочитает холёных, модных и доступных чик. Одноразовые отношения – его стиль жизнь. Его «девушка» лишь прикрытия, что он не совсем подонок.

Жаль, конечно, что Надя не видит его реального лица. Но может, обжёгшись с этим недоумком, дальше по жизни будет умней и выбирать начнёт не только по смазливому фейсу и хорошему телу? Не хотелось бы, чтобы хорошую девочку сломал Алекс Грячев. Неопытная она совсем, сплошная наивность. Она ведь после него может навсегда разочароваться в парнях и любви...

А мне какое до этого дело?

Она решила, что любит его, что он герой её романа – пусть так и будет. Раз смотрит на него сквозь призму розовых очков – её выбор. Но когда эти розовые очки разобьются стёклами внутрь, ей будет очень больно. Правда, они шрамами сэберегут её от новых ошибок в любви, и придёт прозрение.

Уйдёт доверие. И не будет больше казаться жизнь идеальной.

Пропадёт навсегда наивность, и она увидит, что невинность чужой души – сплошная ложь, всего лишь маска.

Как раньше уже не будет никогда. Вот тогда и наступит взросление. Тогда изменится её душа.

И почему мне сейчас кажется, что я думаю не об этой девушке, что сидит напротив, а о себе? Это всё обо мне... Рано я повзрослел, рано увидел всю грязь мира и человеческих душ...

Жаль, что и этой девушке предстоит столкнуться с другой стороной нашего мира... Но по-другому никак. Мы живём в грёбаном несовершенном, алчном и прожжённом социуме. Притворяемся хорошими и правильными, играем в игры, придумываем правила, которые сами же и нарушаем.

Усмехаюсь про себя.

По сути, вся социальная жизнь на Земле – мафия. Мы все – рабы мафии. Кому-то подчиняемся, прогибаемся, стараемся изо всех сил выбиться в лучшую жизнь, рвём жилы и нервы, угождаем тем, кто живёт чуть лучше, чем мы. Мечтаем, чтобы нас заметили, выделили из огромной толпы таких же неудачников. А потом радуемся жалким подачкам, и думаем, что вытянули счастливый билет, а по сути, это просто пустышка. Реальное счастье – это свобода. Свобода от всего и всех... Но такое невозможно... Точнее, возможно. Смерть. Вот так просто.

Но я не горю желанием отправляться во владения Костлявой. Рано мне. А вот отчим активно роет себе могилу. Пусть. Зато глубже упадёт.

Встряхиваю головой и прогоняю мрачные мысли.

Что-то давно меня философствовать не тянуло, а эта малышка вдруг навела на серьёзные мысли.

Смотрю на неё и мысленно улыбаюсь.

Девушка, что сидит передо мной хорошенькая. Не хватает ей лоску, уверенности в себе и расслабленности. Слишком зажатая, как перепуганный зверёк перед хищником.

Я помогу ей добиться внимания Горячева, пусть ощутит себя красивой, желанной, нужной. Но обязательно покажу ей и его истинное лицо.

Решение принято.

* * *

НАДЯ

Я находилась в тотальном раздрае. Остаток субботы металась по квартире как сама не своя, не находила себе места. В воскресенье начала думать.

Как ненормальная прокручиваю, анализирую и по полочкам раскладываю разговор с Неро и прихожу к выводу, что сглупила.

Меня обуревают страх, даже ужас, ведь, по сути, я дала добро совершенно незнакомому парню, да ещё с дурной репутацией некоторое время управлять своей жизнью! Я сказала, точнее, сама попросила его помочь мне с Горячевым. Это разве не дурость?

Да что со мной такое?

Не хватает словить паническую атаку.

Кроме мамы я никому не позволяла вмешиваться в мою жизнь. Даже отец никогда не лез ко мне, не давал советов, если сама не спрошу его. Сейчас ему и подавно всё равно, как я живу и что делаю.

Только мама меня понимала, всегда и во всём поддерживала и мягко направляла. Когда её не стало, мой добрый и прекрасный мир рухнул. Одинокая девушка с большими серо-синими глазами – так меня однажды охарактеризовала подруга Ира. Все мои знакомые первое время жалели отца и сочувствовали мне. А после всем стало всё равно. Жизнь продолжается...

Тяжело без мамы. Очень тяжело.

А новая жена моего отца, если говорить без прикрас просто отвратительная стерва. Манипуляторша, которая ловко настроила отца против меня. Раньше я приезжала в наш старый дом, откуда с приходом этой дряни очень быстро исчезли все мамины вещи, её стиль, её запах и этот дом превратился для меня в чужой и незнакомый новый мир другой семьи. И каждый раз, когда я там, она играет на моих нервах, пытается вывести из себя, чтобы я выглядела в глазах отца его первым неудачным отпрыском с диагнозами невроз и психоз. И я пришла к верному решению минимизировать с ними общение, тем более папа всё равно не интересуется мной. У него ведь есть сын, о котором он и мечтал.

Мне лишь братика жаль – кого эта сука из него сделает? Циничного недоумка? Нарцисса-манипулятора?

На самом деле, я самая обычная девушка-студентка, которая потеряла близкого человека и теперь просто плывёт по течению. Моя жизнь до скучного распланирована на пять лет вперёд. И я строго следую своему плану, не схожу с намеченного пути. Так и проходила моя жизнь, практически в одиночестве, не считая редких разговоров с Ирой и то по сети.

Да, друзья, добро пожаловать в мой маленький, скучный, банальный и разрушенный мир.

И эта стычка на парковке, да встреча и разговор с Майклом Неро – настоящее глобальное событие в моей жизни. Это событие буквально выбило почву у меня из-под ног. Мне бы кто дал совет, или просто подбодрил, но есть только я и мои тараканы в голове. И они находятся в панике.

Ирке бы позвонить, но отчего-то мне стыдно признаваться лучшей подруге, что я попросила помощи парня, чтобы привлечь внимание другого парня.

Да, я боюсь, что она осудит меня, начнёт журить или вообще посмеётся.

Знаю, что так не будет, Ира хоть и взрывная, но рассудительная и со мной не будет жёсткой. Но страх путает мысли и узлом связывает все внутренности. А потому я решаю подруге ничего не говорить. Пока сама не пойму, насколько тупое решение приняла по десятибалльной шкале.

Набираю полную ванну горячей воды с пеной и погружаюсь в неё с головой, ощущая приятное покалывание, пощипывание. Задерживаю дыхание и просто лежу. Такой способ помогает мне прийти в себя и собрать себя в кулак.

Под водой слышен лёгкий приглушённый гул.

Проходит около тридцати секунд, лёгкие начинают жечь, и я вынырываю. Делаю глубокий вдох. Убираю с лица пену и открываю глаза... чтобы тут же закричать.

– Господи! – кричу в ужасе, глядя на Майкла Неро, который как ни в чём не бывало, устроился прямо на кафельном полу и прислонился к стене. Прямо напротив ванной, где я сейчас купаюсь.

– Спасибо, что сравнила меня с Ним, – хмыкает парень. – Но это всего лишь я – Майкл.

– Какого чёрта?! – верещу я и прикрываю грудь руками. – Как ты... Как ты оказался в моей квартире?! Убирайся, живо!

Я нахожусь в настоящем шоке. Паника накрывает с головой. Дышу часто и не знаю... просто не знаю, что делать.

Неро поднимается с пола, и тут я замечаю, что его лицо, мягко говоря, «поправлено». Бровь левая рассечена, кровь уже не идёт и уже начала запекаться. Скула правая опухшая и на ней вскоре «расцветёт» синяк. Нижняя губа тоже подбита...

– Э-эм... Что с тобой? – тут спрашиваю почти спокойным голосом.

Он пожимает плечами, усмехается, показывает на своё лицо и произносит:

– А разве не ясно? Подрался.

– О-о-о... – выдыхаю я, – из-за девушки?

Он смеётся и тут же стонет, но с улыбкой отвечает:

– Разочарую тебя, Надя, но я не романтик. Подрался с хозяином квартиры, которую снимал. Теперь я бездомный. И раз ты меня взяла под опеку, то пока буду жить с тобой...

От его наглого заявления у меня глаза чуть не вываливаются из орбит, я даже забываю, что вообще-то голая в ванне сижу.

– Что?! – рявкаю я и от бессильной злости бью руками по воде. Пена пузырьками поднимается в воздух, а брызги разлетается в стороны, попадают на Майкла. Несколько капель попадают мне в глаза.

– Не кипятись. *Va tutto bene*⁴, Надя.

– Не кипятись? – рычу я. – Да ты спятил!

Наши взгляды встречаются. Моё сердце начинает биться быстрее. У меня появляется чувство... то самое чувство, которое знакомо всем и каждому, когда тебе хочется спрятаться, забиться в какой-нибудь самый дальний и безопасный угол, но ты не можешь... и кажется, что небо падает на тебя и вот-вот раздавит... Я даже забываю, как дышать.

Чёрт... Во что я ввязалась?

И без того тёмные глаза Майкла Неро горят чем-то дьявольским. Наблюдая за моим страхом и замешательством, на его губах появляется идеально белая улыбка. Она пугает меня до безумия.

⁴ *Va tutto bene* с ит. Всё хорошо.

- Я не доставлю тебе неудобств. Обещаю. Не надо меня бояться, лады? И это... Scusami⁵
- Надя.
- Иди в задницу, Неро! – рывкаю со слезами на глазах.
- Он поднимает руки в сдающемся жесте и выходит из ванной.
- Боже мой... Какой кошмар... – выдыхаю сокрушённо и включаю душ.

⁵ *Scusami* с ит. Извини.

Глава 5

* * *

НАДЯ

Надеваю халат и туго завязываю пояс. Волосы собираю в полотенце.

Меня потряхивает от страха и раздражения.

Меня возмущает выходка Майкла.

Да что он о себе возомнил?

Как посмел вломиться в мой дом!

Сволочь!

Выхожу и замечаю в прихожей пухлую спортивную сумку, а на ней туго набитый вещами рюкзак.

«Великолепно!»

Проверяю двери и удивляюсь. Дверь не взломана. Заперта. Не через окно же он пришёл?

Шорохи за спиной заставляют меня вздрогнуть и резко обернуться.

Майкл держит в руках две кружки, над которыми поднимается пар и нагло мне улыбается.

– Я сварил кофе. Надеюсь, ты не против, что я похозяйничал на твоей кухне. Кстати, кофеварка у тебя отвратительная. Нужна новая...

– Неро, ты рехнулся? – рявкаю я, и от обилия эмоций ещё руками потрясаю. – Какая к чертям собачьим кофеварка? И вот это вот что?

Я пальцем указываю на его сумку и рюкзак.

Парень прекращает улыбаться и обыденным тоном говорит:

– Это мои вещи. Я теперь живу с тобой.

Открываю от возмущения рот, но он тут же добавляет:

– Это временная мера, Надя. И потуши свой пожар, искрить будешь для Горячева, если ещё не передумала завоевать его.

Захлопываю рот и смотрю на него самым мрачным, недовольным, даже гневным взглядом. Складываю руки на груди и произношу довольно угрожающе:

– Наша сделка не распространялась на совместное проживание. Это раз. А два – как я завоюю Алекса, если весь универ узнает, что мы живём вместе? Об этом ты не подумал, Эйнштейн?

Майклу надоедает держать кружки, и он ставит их на комод, случайно задевает фоторамку с фотографией, где я с мамой. Она чуть сдвигается в сторону. У меня дёргается глаз.

А ещё горячие кружки на полированное дерево! Меня это жутко бесит.

– Никто ничего не узнает... – начинает он.

А я уже шиплю на него за комод:

– Ты решил мне ещё и мебель испортить? Нельзя ставить горячее на дерево! Для этого дела есть подставки!

Хватаю кружки и топаю на кухню. Выливаю кофе в мойку. Даже пробовать напиток не стану, вдруг чего подмешал. А он тоже обойдётся, гад.

Майкл следует за мной.

– В смысле ещё и мебель испортил? – интересуется он недовольно. – Ты так говоришь, будто я тебе ещё что-то испоганил. Не откроешь мне тайну, где я ещё успел тебе насолить? И когда, позволь узнать?

Мне хочется его стукнуть.

– Я имела ввиду твоё проживание со мной. Это недопустимо, – заявляю категорично. – Ты испортишь мне репутацию. У меня же соседи! Что они подумают?

Он издаёт весёлый смешок, подходит и вдруг ставит руки по бокам от меня и буквально пригвождает меня к кухонному гарнитуру.

Он так близко ко мне, что я вижу, как часто бьётся жилка на его шее, вижу бугорки запекшейся крови на его губе и разбитой брови. А ещё ощущаю его запах – тягучий, чуть пряный, солёно-горький, но при этом свежий. Так обычно пахнет осень.

А ещё он очень жаркий. Будто рядом со мной не парень, а сильно разведённый костёр.

Майкл пристально смотрит мне в глаза, следит за моими эмоциями, видит, что я волнуюсь, переживаю. Потом его взгляд скользит по моему лицу, спускается на мои плотно сжатые губы, снова поднимается к глазам и с усмешкой говорит:

– Надя, твои соседи могут подумать только одно – наконец-то у их милой и излишне правильной соседки началась личная жизнь. Они ведь уже думать о тебе всякое начали...

Я сдвигаю брови и непонимающе произношу:

– О чём это ты?

Он склоняется ниже, ещё ближе ко мне, наши тела соприкасаются. Его губы касаются моего уха, обдают кожу жарким дыханием... По телу прокатывается дрожь, пальчики на ногах непроизвольно поджимаются...

– Они думали, что ты «играешь» за другую команду, Надя. Что ты предпочитаешь не парней...

ЧТО-О-О?

Толкаю его в грудь и рявкаю:

– Да как ты смеешь такое мне заявлять? Я нормальная, понял?

Он весело смеётся, отходит от меня и поднимает руки, словно сдаётся и произносит:

– Я тебе серьёзно говорю. Твои соседи так и думали. А как, по-твоему, я вошёл в твою квартиру? Повстречал у подъезда компанию милых дам. Одна твоя добрая соседка, что живёт этажом ниже, обрадовалась, когда я объявил тебя своей девушкой. Я пожаловался ей, что телефон и ключи забыл... Я хотел, чтобы она позвонила в домофон, а она взяла и повела меня за собой, ключи от твоей квартиры выдала. Сказала, что это запасные...

То есть, Верочка Алексеевна вот так просто отдала ему мои ключи?

У меня зарождается дурное предчувствие.

Хватаюсь за горло и сдавленно его спрашиваю:

– Господи... Только не говори, что ты что-то ей сделал...

Майкл прекращает улыбаться. Он вообще становится страшным, очень злым.

– Ты решила, что я ей навредил? – шипит он. – Cazzo! Ты в своём уме?! Откуда я мог знать, что у неё вообще есть эти ключи?!

– Не ори на меня, – произношу испуганно.

Он запускает пальцы в волосы и шумно выдыхает:

– Надя, я ничего не сделал твоей соседке. Поняла меня?

Киваю как китайский болванчик, а сама мысленно вспоминаю, где оставила телефон? То ли в спальне, то ли в ванной... Мне нужно вызвать полицию... Пора прекращать этот балаган. Похоже, я боюсь Майкла Неро.

И вдруг раздаётся звонок в дверь. Я подпрыгиваю от неожиданности, а Неро зло фыркает и гневно раздувает ноздри. Садится за стол и смотрит на меня напряжённо. А я как дура смотрю на него и переминаюсь с ноги на ногу. В двери снова звонят, уже более настойчиво. И кого там принесло?

– Ты сама откроешь или мне это сделать? – спрашивает Майкл.

И я отмираю, иду открывать двери.

Смотрю сначала в глазок и вижу свою соседку, что живёт ниже.

Открываю ей и тут же Вера Алексеевна начинает тараторить:

– Наденька, солнышко, я спохватилась и решила тебя проверить! Твой парень такой обходительный оказался, да ещё помог мне с сумками, заговорил меня хлеше цыганок на рынке! Я как под гипнозом ему твои ключи и отдала... Он ведь твой... парень?

Сердце прекращает волноваться и биться как сумасшедшее. Соседка цела и невредима. Неро не солгал.

– Ну, как бы это сказать... – говорю нехотя и пожимаю плечами. – Но вообще зря вы дали ему ключи... Мы не...

– Мы поссорились, – слышу за спиной голос Майкла.

Верочка Алексеевна смотрит на молодого мужчину, который вдруг берёт и кладёт свои наглые ручищи мне на плечи и сжимает их.

– Вы всё правильно сделали, – продолжает этот наглец. – Мы как раз в процессе примирения, верно, любовь моя?

– Ох, молодость, – расплывается в улыбке соседка, не дожидаясь моего ответа и розовеет от смущения. – Ну, тогда я спокойна. А то забеспокоилась сначала... Хорошо вам... помириться.

Не успеваю я её остановить, как Неро закрывает двери и заявляет:

– Хорошо, я всё понял! Ты совершенно мне не рада. И хочешь, чтобы я ушёл.

– О, да сама очевидность! – отвечаю ехидно.

– Ладно, тогда извини. Я уйду и не побеспокою тебя больше... – говорит он, начинает обуваться...

Мне хочется перекрыть себе кислород. Забыть речь, забыть все слова на свете. Отключиться. Исчезнуть. Рассыпаться на атомы... Да всё что угодно, но лишь бы промолчать. НО Я НЕ МОГУ...

Длинно вздыхаю и произношу:

– Да чёрт с тобой... оставайся. Но это только на время!

* * *

– Если хочешь привлечь его внимание, то начни с походки и осанки. А ещё с гардероба, – советует мне Майкл. – Надень своё лучшее платье, но не вечернее, прорепетируем твою походку...

Меня напрягают его слова о походке и осанке, но что делать, я сама попросила Неро быть со мной честной.

Вздыхаю и говорю:

– У меня нормальная походка.

Парень сидит на диване и заводит руки за голову. Его бицепсы тут же приковывают мой взгляд. Но тут же смотрю в пол, на свои ноги в бежевых тапочках с ушками и мордочкой котика.

– Оставь нормальную походку тем, кто уже ходит по врачам, а нам нужен секс, соблазн, драйв. Чтобы когда ты прошла мимо, у всех парней в ближайшей, да и дальней видимости отвалились челюсти, выпали из рук учебники, свернулись шеи в твою сторону и появились каменные стояки. Вот такая походка нужна, поняла?

Я поняла, что мне не видать Горячева. Такую походку мне не осилить. Никогда в жизни.

– Иди и надевай платье. Или юбку, – командует Неро.

– Я джинсы люблю и брюки... – произношу вяло.

– Джинсы и брюки должны подчёркивать твои прелести, а не уродовать, – фыркает он и вопросительно поднимает одну бровь: – Ну? Ты ещё здесь?

Минут пять стою у шкафа и тупо смотрю на небольшой выбор платьев. Выбираю самое, на мой взгляд, сногшибательное. По крайней мере в нём я однажды ходила на вечеринку. Но его можно надеть и в универ... Такое многогранное платьишко.

Обуваюсь сразу в балетки и иду в гостиную, где меня ждёт Майкл. Встаю перед ним, и он нехотя отлепляется от своего телефона.

Окидывает меня оценивающим взглядом и произносит:

– Che triste...

– Что не так? – хмурюсь я, так как его взгляд радости не отражает. – Лучше не балетки, а каблук, да?

– Надя, это платье тебе совсем не идёт, – заявляет он таким тоном, каким обычно доктора сообщают печальные новости.

Поджимаю недовольно губы, вздёргиваю подбородок и защищаюсь:

– Это чистый кашемир. И бренд известный. И...

– Да будь оно хоть из бриллиантов! – усмехается он. – Платье не сидит на тебе. И цвет не твой.

Провожу дрогнувшими ладошками по мягкому очень приятному материалу красивого оттенка мокрого асфальта и тихо говорю:

– Оно мне нравится.

Парень пожимает плечами и отвечает:

– Я и не прошу его выбрасывать. Оставь для уборки по дому, например. Или надевай, когда мусор будешь выносить.

– Нахал! – рявкаю я и на глаза набегают слёзы. Так, мне явно нужна игрушка-антистресс. Надо бы купить такую, а то с этим наглым товарищем явно буду много психовать.

– А чего сразу ругаться и в слёзы? – интересуется он мягким и без насмешки тоном. – Надя, у нас дело. Оставь слёзы, они тебе не помогут. По крайней мере, сейчас. Применишь их в другой ситуации.

Он поднимается и кладёт руку мне на плечо. Чуть сжимает и потом поднимает моё лицо за подбородок, смотрит внимательно и произносит:

– Покажи мне свой гардероб. Найдём тебе классный образ из твоих шмоток. Хорошо?

Тяжело вздыхаю и киваю.

– Ладно, идём. Посмотришь на мою одежду. Только думаю, ты всё забракуешь.

– Детка, не может быть всё так плохо, – смеётся он.

* * *

– Всё хреново, – изрекает Майкл, осматривая мой гардероб.

Мне становится обидно.

– Это хорошие вещи. Дорогие, качественные. Все материалы натуральные. Шёлк, хлопок, лён, шерсть, кашемир и...

– И тэ дэ, и тэ пэ, – обрывает он меня. – Это одежда для тётеньки, которая попрощалась с молодостью и решила посвятить себя духовной жизни. Да и то, сейчас женщины за пятьдесят выглядят так, что юнцы на них стойку делают. А ты не похожа на монашку. Или у тебя ранний климакс?

– Что? – вспыхиваю стыдом, обидой и вообще мне ужасно некомфортно, что парень, практически незнакомец шарится среди моей одежды и комментирует её, будто это полный шлак. – Не смей оскорблять меня. У меня нет никакого климакса.

– Надя, я не оскорбляю тебя, но ты для Горячева не станешь crush, если продолжишь одеваться как неудачница.

Он снимает с «плечиков» одно из моих платьев, демонстративно берёт его двумя пальцами и трясёт им передо мной, мол, что это такое?

А платье из натурального льна, оно длиной до пят – очень удобное летом, и мне всё равно, что цвет у него серо-бежевый.

Обнимаю себя за плечи и поджимаю губы.

– Я не неудачница, – шепчу на его слова. – И платье это хорошее...

– Угу. Хорошее для чего? Отбить всё желание у мужчины? Ну да, для этих целей оно великолепно, – говорит он на полном серьёзе.

Я взмахиваю руками и рявкаю:

– И что? Что ты тогда предлагаешь? Пойти мне завтра в универ в одном нижнем белье?

Глаза у Майкла сверкают смехом. Он ослепительно улыбается, бросает моё льняное платье себе за спину, будто это использованная тряпка и говорит:

– Поверь, вся мужская половина универа оценит твой выход в нижнем белье. Кстати, детка, давай его тоже оценим, а то может...

– Не может! – заявляю категорично и чуть спокойнее прощу: – И не называй меня, деткой, пожалуйста. Мне не нравится.

Собираю разбросанные Майклом мои вещи и аккуратно раскладываю их по полкам, развешиваю на «плечиках».

– Как скажешь, огонёк, – ослепительно улыбается Неро и садится в кресло.

Недоумённо смотрю на него и спрашиваю:

– Огонёк? Почему огонёк?

Он заводит руки за голову (похоже, это у него любимая поза) и объясняет:

– Ты ведь Огнева. От слова «огонь». До настоящего огня тебе ещё расти и расти, но огонёк в тебе явно есть. Потому «огонёк». Тоже не нравится?

Робко улыбаюсь и нехотя признаюсь парню:

– Нравится. Это лучше «детки».

Он кивает, потом вздыхает и говорит:

– Надень-ка вот эту джинсовую юбку.

Её я ещё не успела убрать. Смотрю, на этой юбке ещё висит бирка. Я её ни разу не надевала. Она слишком короткая по моему мнению. Но решаю промолчать на этот счёт. Не очень-то приятно слышать из уст парня, что я выгляжу как монашка неудачница.

Он встаёт с кресла и снова превращает мой порядок в шкафу в настоящий хаос.

Достаёт майку на бретелях телесного цвета и белую хлопковую рубашку оверсайз.

– Так, надевай это всё.

Беру майку и говорю ему:

– Это вообще-то бельё и...

– Надевай, – обрывает он меня и выходит из моей спальни.

Я длинно вздыхаю и делаю, как он говорит, переодеваюсь.

Юбка едва прикрывает мой зад. Рубашку застёгиваю на все пуговицы до самого горла. Но она слишком длинная и полупрозрачная, топ видно. Что попало получилось.

Выхожу из спальни с мрачным видом и произношу:

– Это треш, Майкл.

Он осматривает меня и качается головой. Усмехается со словами:

– Все пуговицы застегнула. Ты бы ещё мешок на голову нацепила. И почему ты прячешься от всего мира? Не доверяешь ему?

– А ты? Почему не хочешь учиться? Прячешься от мира? Или бунтуешь? – произношу ехидно.

Тут же из его глаз исчезает улыбка и искры смеха. Глаза Неро становятся «тёмными», мрачными, взгляд его теперь тяжёлый, злой и мне становится не по себе.

Я таращусь прямо в его чёрные глаза, которые блестят чем-то страшным, чем-то недобрым. Его руки слишком резко хватают мою рубашку и он чуть ли не рывками расстёгивает все пуговицы, концы рубашки завязывает узлом. Берёт за воротник и сдвигает его вправо. Одно плечо оголяется.

– Вот так теперь хорошо, – говорит он холодным тоном. – Посмотри на себя в зеркало, оцени.

Мне сейчас не хочется смотреться в зеркало, мне хочется убежать. Я делаю движение в сторону, но Майкл вдруг ставит две мощные руки по бокам от меня, не давая возможности пошевелиться.

Его тело накрывает моё. Моя кожа покрывается мурашками.

– Огонёк, не надо так с парнями. Не будь ехидной. Это... бесит. Будь ласковой и милой девушкой. Хорошо?

– Я... я не хотела тебя обидеть или оскорбить... – мямлю от накатившего вдруг страха. – Ты извини, если я не то сказала...

Он склоняется ко мне и медленно улыбается, только его улыбка больше похожа на оскал хищника.

Его глаза лениво скользят по моему лицу. Я тяжело сглатываю, и его взгляд буквально впивается в мою шею.

Спустя вечность он смотрит не на мою шею, а в мои глаза и говорит:

– Есть причины, по которым я должен был быть плохим парнем. Хотя, почему, должен? Я и есть плохой. Моя душа чернее сажи, огонёк.

– Любая душа может очиститься, обелиться... исцелиться, – произношу едва слышно, глядя на него широко раскрытыми глазами.

– Огонёк, разве возможно исцелить чёрную душу?

– Любовь... она может всё, Майкл.

Он горько усмехается.

– Любовь? Она только ломает и калечит.

– Настоящая любовь не такая, Майкл. А душа чернеет, потому что ей не хватает света любви. Из-за отсутствия любви люди и начинают разрушать себя... и всё вокруг.

Он долго молчит и смотрит на меня. Смотрит и смотрит, будто в моих глазах, на моём лице он отыщет только ему нужные ответы. Наконец, произносит:

– Ты так говоришь, будто любила.

– Любила. И люблю, – отвечаю ему честно. – Я очень сильно любила маму, Майкл. И продолжаю её любить. Всегда буду её любить...

Глаза начинает щипать и по моей щеке скатывается слеза.

В горле вдруг образуется ком. А в груди начинает ворочаться колючая, горькая, но уже ставшая родною боль утраты.

Без лучика света, без моей мамы мне кажется, что я осталась одна в бесконечной беспроектной тьме...

Майкл отходит от меня, и я тут же вбегаю в спальню, закрываю двери и дышу часто, рвано... Хочется закричать.

Глава 6

* * *

НАДЯ

Моё соглашение с Майклом мне снова кажется идиотской затеей.

И сейчас я чувствую себя душой – позволила парню шариться в своих вещах и завела разговор о маме. Это так на меня не похоже. А ещё дала волю эмоциям.

Горестно качаю головой. Да что со мной такое?

Подхожу к зеркалу, поднимаю взгляд на своё отражение и... замираю.

Образ, созданный Неро простой, но... цепляющий, стильный.

– Ого, – произношу шёпотом, удивлённая тем, что у парня отменный вкус и имеется чувство стиля. Судя по его комментариям о моём гардеробе, у меня они напрочь отсутствуют.

Да, я выгляжу очаровательно, но идти в таком виде в универ? Да ни за что на свете! Это серьёзное заведение, а не клуб и не парк для прогулок. Пусть Романовская со своей сворой является на учёбу как на вечеринку. А у меня репутация. Я соблюдаю правила.

Иду в гостиную. Неро сидит на диване, сосредоточен на своём телефоне и строчит кому-то смс, да так быстро и яростно, что кажется, телефон сейчас возьмёт, да задымиться. Лицо у парня мрачное.

Прокашливаюсь, привлекая его внимание, и говорю:

– Согласна, ты круто придумал мне образ.

Провожу руками по телу, и он вдруг смурится сильнее, но кивает со словами:

– Вот так и явишься завтра в уни...

– Нет! – тут же обрываю его и спокойнее добавляю: – Я учусь там, вообще-то. и у меня завтра семинар, потом доклад. Я буду выступать перед большой публикой на тему...

Теперь Неро перебивает меня:

– Значит, Горячев отменяется? – Он усмехается, когда я со стуком закрываю рот и складываю руки на груди.

– Можно и более прилично одеться, – произношу строгим тоном училки.

– Можно, – соглашается он, – но ты не привлечёшь его внимания. Поверь, огонёк, я знаю, о чём говорю. Сейчас хорошо видно твои ноги – они у тебя стройные и длинные. Грудь тоже на месте. Попку твою потрогать сразу хочется. А в тех твоих шмотках и понять нельзя, есть ли у тебя вообще какие-то формы или ты плоская как доска.

Я вспыхиваю от всех его слов разом, набираю в лёгкие воздуха и не успеваю ничего сказать, как Майкл снова произносит:

– Когда ты завтра пройдёшь мимо Горячева, скажешь ему «Привет» и ослепительно улыбнёшься. Всё. Он тут же заглочит крючок и пригласит тебя на свою вечеринку. Клянусь, огонёк.

– Вечеринку? – выдыхаю шумно.

– Ну да. Он с группой выступает в своём любимом затрапезном баре и зовёт всех для поддержки. Но обещает, что будет бесплатная выпивка для всех его гостей и много музыки.

Я обнимаю себя за плечи, так как сомневаюсь, что он меня пригласит.

– Пригласит, – говорит Майкл уверенным тоном, словно прочёл мои мысли и понял мои сомнения, – если будешь следовать моим советам.

Облизываю губы и спрашиваю:

– А ты... будешь на той вечеринке?

Он долго смотрит на меня, поднимается с дивана и подходит, нависает надо мной, как скала, и я инстинктивно делаю шаг назад. Парень усмехается и отвечает:

– Обязательно буду. Я ведь вроде как теперь отвечаю за тебя. И я не хочу, чтобы ты стала его подстилкой. Нам ведь нужно, чтобы Горячев полюбил тебя, верно? Разовые отношения не для тебя, огонёк.

Снова облизываю губы и неуверенно киваю. Краснею. Ох, так неловко обсуждать с таким парнем как Майкл Неро другого парня, особенно строить планы по его завоеванию.

На миг ощущаю себя мошенницей. Если вдуматься и разобрать нашу с Майклом сделку, то по факту я искусственно собираюсь влюбить в себя Алекса Грячева... Но совесть быстро покидает меня. Её на корню задавливает моё обожание и любовь к Алексу.

– Ладно, я тебя поняла, – произношу уверенно. – Пойду вот так и скажу ему... «Привет, Алекс!»

– Просто «привет» и без этого твоего восторга в голосе. И про улыбку не забудь, – говорит Майкл.

Растягиваю губы в улыбке и произношу:

– Хорошо.

– Огонёк, если улыбнёшься ему как мне сейчас, то он не пригласит тебя, даже не подойдёт к тебе, а перекрестится, – смеётся Неро. – Потренируйся улыбаться призывно, но загадочно.

Тру лицо и со всем отчаянием спрашиваю его:

– Что значит «улыбаться призывно, но загадочно»?

Неро начинает смеяться, а отсмеявшись, говорит:

– Малышка, из какого ты века? Ладно, я тебя научу, но сначала накорми меня как следует.

По ходу мне понадобится много, очень много калорий для работы с тобой.

Фыркая, беззлобно ударяю его по руке и произношу:

– У меня есть паста, замороженный фарш и томатный соус. Поможешь приготовить?

– Обижаясь, огонёк, пасту приготовит любой итальянец, даже если он не умеет готовить.

– Только давай у нас всё получится, ладно?

* * *

Позже этой ночью меня будят раскаты грома и звук закрываемой входной двери. Я включаю настенную лампу, скидываю с себя одеяло и встаю с кровати.

Сначала выглядываю в окно. Небо прочерчивает ломаная стрела молнии и оглушает раскат грома. Ливень бьёт по стеклу, будто мечтает разбить его и ворваться в тепло моего дома.

Моё внимание вновь привлекает звуки в коридоре.

Когда я легла спать, Майкл был в квартире, и он не говорил, что куда-то собирается.

Я постелила ему в зале на диване, и он тоже лег спать.

Надеюсь, он не пригласил в мой дом ещё какого-нибудь «бездомного»?

На свою флисовую пижаму надеваю халат, ноги вставляю в тапочки и осторожно выглядываю за дверь спальни.

В прихожей у двери стоит обувь Майкла. Мокрая от дождя.

Значит, он уходил. Только что вернулся.

Вопрос: куда уходил? И почему мне не сказал?

Мягко ступаю по ламинату. Из гостиной льётся рассеянный тёплый свет от торшера. Слышен шорох одежды. Хмурюсь, но вхожу в гостиную и застываю на пороге памятником самой себе.

У меня перехватывает дыхание.

Ноги словно приросли к полу, хотя мне бы резко развернуться и убежать обратно к себе, но не-е-ет, стою и жадно смотрю.

Я не могу отвести взгляда от напряжённых мышц Майкла на его гладкой, но сильной груди и от его мощных, перевитых венами рук.

Моё тело невольно реагирует на молодого мужчину, жар зарождается внизу живота, разливается по венам, разносится по каждой клетке моего тела.

Тёмные, почти угольно-чёрные волосы Майкла влажные и растрёпаны. Сверкающие капли срываются с кончиков волос и падают ему на плечи.

Его тёмные глаза, кажутся целой вселенной, они блестят мириадами звёзд.

У Неро загорелая кожа. И сейчас в приглушённом свете она будто сияет изнутри. Хочется прикоснуться...

Нахмуренные тёмные брови придают его лицу угрожающий вид.

У Майкла очень запоминающееся лицо, я бы даже сказала, породистое. И последствия драки нисколько не портят его. Сразу видно, что в его роду были сильные и харизматичные личности.

Наблюдать за Майклом в этот момент любопытно, необычно, странно, завораживающе...

Он стоит ко мне вполоборота полуобнажённый, в одних только синих джинсах. Его сильный торс украшают две татуировки, одна на предплечье, переходящая на грудь, а другая на торсе сбоку. Какие именно у него тату не могу сейчас разглядеть.

Ремень у него расстегнут, и джинсы спущены на бёдра так низко, что видно тёмную дорожку волос, бегущую от живота и вниз...

Он не заметил меня и занят тем, что раздевается. Сейчас его руки ложатся на пояс джинс и он быстро стягивает их с себя.

Я слглатываю и, наверное, делаю это очень громко, потому что Майкл резко поворачивается в мою сторону и грубо рявкает:

– Надя? Какого хера? А ну живо спать!

– Из-вини... – мямлю я и срываюсь с места. Просто позорно сбегаю и прячусь у себя в спальне.

Прислонившись спиной к двери, чувствую, как у меня подрагивают ноги, а внизу живота очень сильно тянет, ноет и хочется...

– Боже... – выдыхаю я шокировано и сбрасываю с себя халат, забираюсь в кровать и решаю прямо сейчас взять и заснуть.

И как ни странно, но почти мгновенно под звуки грозы засыпаю. Только снится мне не невинный сон, а эротический. Даже развратный, в котором Майкл Неро самым постыдным образом прижимается ко мне полностью обнажённой своим сильным обнажённым телом и вытворяет со мной такие откровенные вещи, о которых даже во сне стыдно думать...

Просыпаюсь с утра невыспавшаяся и злая.

* * *

Утром Майкл ни слова мне не говорит о вчерашнем инциденте, и потому я не спрашиваю, куда он ходил. Решаю, что если повторится подобное, тогда и задам вопрос.

Зато с самого утра за чашкой кофе и поеданием огромной тарелки овсяной каши с черникой он меня ещё раз консультирует по сегодняшнему дню и как я должна вести себя.

– Да... да... я всё помню, – говорю мрачно и в ответ получаю не менее хмурый взгляд.

– Ты выглядишь так, будто на казнь собираешься. Соберись, огонёк! И не волнуйся, это всего лишь парень – обычное мужское тело с тремя ногами.

– Почему с тремя? – удивляюсь я.

Он весело хмыкает и говорит загадочно:

– Думаю, скоро узнаешь.

Пожимаю плечами и заканчиваю свой завтрак, жду, когда Неро закончит свой.

Кусаю губы, а потом говорю ему:

– Сегодня понедельник и проректор обязательно будет у себя. Давай сходим к нему перед занятиями...

Смотрю на аккуратные часики на руке и киваю своим мыслям.

– Мы сможем приехать раньше и успеть поговорить...

– Как скажешь, Надя, – легко соглашается парень.

Что ж, мне же проще. Только знать бы наверняка, на что на самом деле я подписываюсь. Точнее, подписалась.

– У нас с тобой одна специализация – международный менеджмент. В каких областях у тебя провалы и неуспеваемость? – решаю уточнить заранее, чтобы понимать, на что делать уклон в разговоре с проректором.

Неро усмехается, отодвигает пустую тарелку, допивает одним глотком кофе, а потом некоторое время смеётся. Отсмеявшись, заявляет:

– Думаю, можно сказать, что у меня провал по всем предметам.

Будь у меня в руках кружка, она бы выпала из рук.

– К-как... по всем? – переспрашиваю шёпотом.

– Как-как? Молча, огонёк, – говорит он невозмутимо и поднимается из-за стола. Сам моет за собой посуду и ставит на коврик для просушивания.

– Ну? Чего глазками хлопаешь? Поехали... *Chi tardi arriva male alloggia*⁶

– Не поняла, что ты сказал, но да, ехать нужно сейчас, – произношу мрачно и думаю в очередной раз, что зря ввязалась в эту авантюру.

Хотя, кто знает? Сегодня всё будет понятно.

– Только давай поедem на разных машинах, ладно?

Он улыбается и просто кивает. Он такой невозмутимый и совсем не переживает, а вот у меня уже начинается мандраж.

* * *

Припарковавшись, некоторое время сижу в машине и привожу мысли в порядок.

Мне страшно. Очень страшно.

Сегодня собираюсь сделать первый шаг к завоеванию Алекса Горячева и я ужасно боюсь сделать что-то не так, боюсь попасть в нелепую ситуацию и быть обсмеянной. Только слова Неро для меня являются мотивацией, а так я бы ни за что... и никогда...

Делаю глубокий вдох, потом длинный выдох и выхожу из машины.

Майкл уже приехал. Его джип стоит на парковке как чёрный и могучий грозный дракон. Всегда удивляюсь (в положительном ключе) тем людям, кто умеет управляться с такими громадинами.

Поправляю сумку на плече и расправляю плечи.

Радуюсь тому факту, что студентов ещё мало, особенно меня радует отсутствие рыжеволосой суки и Ко.

Иду в здание университета и направляюсь сразу к проректору. Этот человек всегда на работу приходит рано.

Господи помоги мне пережить этот день и сделать всё возможное и даже больше, чтобы всё получилось и с Неро, и с Алексом.

⁶ *Chi tardi arriva male alloggia*, ит. Кто поздно пришёл, тот кости нашёл. (Прим. Автора).

Глава 7

* * *

НАДЯ

Геннадий Петрович Зубовец трижды переспрашивает меня: не под давлением или угрозами я желаю помочь Майклу Неро с его успеваемостью?

Трижды отвечаю проректору – никакого давления и никаких угроз, всё на добровольных началах.

Сам Неро невозмутимо стоит, прислонившись к стене, сложив руки на груди. Его лицо – непроницаемая маска. Складывается ощущение, что разговор в кабинете проректора идёт не об его персоне, а о каком-то другом человеке.

Майкл совершенно не вмешивается в наш диалог.

– Надежда Дмитриевна, вы – перспективная студентка, с великолепными результатами по всем предметам, по вашим последним проектам университет составит методическое пособие для первых и вторых курсов. Вы знаете программу и своего курса, и четвёртого – это всё так, – произносит мужчина задумчиво, словно рассуждает вслух.

Проректор сидит в кресле и смотрит то на меня, расположившуюся в кресле для посетителей, то на Майкла, который предпочёл постоять в сторонке и подпереть собой стену.

Геннадий Петрович вертит между пальцев дорогую тонкую ручку серебристого цвета и явно озадачен моим заявлением, помочь проблемному студенту и моей же просьбой не отчислять его, а дать Неро второй шанс.

– Благодарю за высокую оценку моих способностей, – произношу чуть смущённо. Я так и не научилась принимать похвалу, всегда в такие моменты чувствую себя неловко, и мне хочется просто сбежать.

– Это не просто похвала, Надежда – я констатирую факты, – говорит он немного резко. Потом впивается взглядом в Майкла, прекращает вертеть ручку и сжимает её с такой силой, что будь она дешёвой, то треснула бы.

С неярко выраженными гневливыми нотками в голосе спрашивает его:

– Почему ты решил привлечь к своему делу Надежду Огневу? Других вариантов не нашёл, так Неро? Предупреждаю сразу, только посмей мне соврать! Она никак не могла узнать о твоём отчислении!

Я поворачиваюсь всем корпусом к парню и вижу, что он с совершенно непробиваемым лицом отвечает проректору:

– Вы знаете меня, Геннадий Петрович, я никогда не лгу. Да, я привлёк Огневу, а почему и нет?

И только я собираюсь сказать, что вообще-то это была моя инициатива, уже рот открываю, как вдруг вижу острый, как бритва взгляд Майкла. Он смотрит на меня так многозначительно и яростно, словно рычит, чтобы я молчала. И я закрываю рот, хотя не понимаю его, наоборот, проректор бы смягчился...

И к моему удивлению, Зубовец весело усмехается и произносит:

– Ты поэтому размолотил доску почёта?

Мои брови сами собой поднимаются и едва не теряются в волосах.

– Огорчился, что меня нет среди этих... прекрасных студентов и студенток, – ехидно отвечает Неро.

Проректор лишь хмыкает, потом качает головой и снова обращается ко мне:

– Надежда, лучше не стоит тратить своё время на данного студента. Этот человек не сможет за короткий срок сдать все хвосты. У него завалены почти все предметы за этот год, точнее, он элементарно не удостоил преподавателей своим «королевским» присутствием на зачётах и экзаменах.

Чешу правую бровь. Вызов – моя слабость. Точнее, я ненавижу, когда во мне начинают сомневаться там, где я сильнее всего. Я умею доносить информацию, и я знаю, что смогу подтянуть Майкла, и он сдаст все свои хвосты. Упрямо смотрю на мужчину, длинно выдыхаю и говорю:

– Считайте, что Майкл Неро – мой новый проект, Геннадий Петрович. Во-первых, это будет вызов для меня самой, а во-вторых, если... ммм... то есть, когда у меня всё получится, я напишу доклад о взаимодействии с неуспевающим студентом, о методах и принципах работы с таким студентом и положительном результате, таком как повышение его успеваемости.

Неро, кажется, нервно кашлянул. А проректор смотрит на меня, как на инопланетянку.

– Надежда, вы серьёзно? – переспрашивает меня.

С самым серьёзным видом на лице, киваю. Тут же ёрзаю на стуле и тяну юбку к коленям. Всё-таки мой сегодняшний внешний вид сильно конфликтует с моей деловой речью. Это хорошо, что у меня репутация и проректор меня знает, а то так бы только посмеялся...

Он некоторое время изучает какие-то документы из тонкой папки, думаю, дело Майкла Неро, потом как-то протяжно вздыхает и очень неохотно произносит:

– Апрель, май, июнь. Надежда, у вас всего три месяца, чтобы Майкл Неро сдал все свои хвосты. Но вы не должны забывать и о своей учёбе.

– Что вы, я о себе никогда не забуду, – заверяю его.

Он кивает и явно с тяжёлым сердцем говорит:

– Хорошо. Вы, Надежда Дмитриевна с этого момента ручаетесь за Майкла Неро. И не только за его успеваемость, но и за поведение. И если он хоть раз оступится – отвечать будете вы лично. Надежда, я не стану вас жалеть, и не посмотрю на все ваши заслуги, так что подумайте ещё раз, очень хорошо подумайте.

Я нервно слезываю, на мгновение закрываю глаза, и тут же вижу перед собой свою любовь – Алекса. Распахиваю глаза и уверенно отвечаю проректору:

– Геннадий Петрович, будет самоуверенно заявлять, что я не переживаю и не боюсь, это не так, мне боязно, но я не привыкла пасовать перед трудностями, так что да, Майкл Неро с вашего дозволения с этой минуты под моим покровительством.

Проректор зло раздувает ноздри, откидывается в кресле и коротко произносит:

– Как скажете. Идите, а то опоздаете на свои пары.

Поднимаюсь и ощущаю слабость в ногах. Я явно перенервничала. А ещё ладошки вспотели. Вытираю их о джинсовую юбку, иду на выход.

Майкл смотрит на меня тяжёлым, каким-то очень недовольным взглядом. Он открывает мне двери и только я выхожу, как слышу позади:

– Неро, задержись.

Двери за моей спиной закрываются.

* * *

МАЙКЛ

– И чего ты добиваешься? – вибрирующим от негодования голосом спрашивает проректор.

Небрежно пожимаю плечами и довольно беспечно отвечаю:

– А на что похоже?

Он раздувает гневно ноздри, указывает на запёртую дверь и шипит сквозь зубы:

– Эта студентка, Надя Огнева – чудесная и милая девушка. Её ждёт прекрасное будущее! За неё уже готовы побороться ведущие компании страны! Не города, а страны и даже зарубежья! Таких сообразительных, гибких, что там скромничать, гениальных людей на сегодняшний день встретить довольно сложно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.